

Макурин Денис

Сказка

Ровдина Гора

Вступление

В нашей глухой стороне, в коей неспешно бежит Северная Двина, там, где бескрайние просторы и бесконечная тайга, затерялась деревушка Ровдина Гора. Деревня настолько старая, что никто и не вспомнит, в каком году она появилась и что за люди на горе первыми обжились. Пораскинула деревня свои дворы на большой высоте, откуда до неба рукой подать, это чтобы было удобнее за волшебством наблюдать.

Зимами Ровдина Гора испокон веков серебром да горным хрусталём светится. Весной изумрудными травами покрывается. Осенью – золотом. А летом там такая крупная роса выпадает, словно пригоршни драгоценных камней рассыпали.

Двинской ветер Ровдину Гору вот уж многие века обдувает, снегами по окна засыпает. Он так давно у Ровдино кружит, что помнит, как пошли по реке первые поморские карбаса да заскрипели несмазанные крылья мельниц-голландок.

Иностранцы на Ровдиной Горе завсегда частые гости были, одежду, шляпки для модниц, цветные пуговицы и леденцы «Монпасье» привозили, взамен солёные волнушки, деревянные ложки да глиняные игрушки увозили. С тех пор многое уж кануло в Лету, не хлопают на ветру паруса, не гудят тяжёлые жернова. Правда, одну мельницу в той деревушке и по сей день берегут, по праздникам гостям показывают да истории о ней рассказывают. Вот и я в том краю на фестивале «Света да попутного ветра» был, немного о тамошних жителях узнал, все истории в блокнот записал; их-то вам сейчас и поведаю.

Нити времени

Я когда за праздничным столом оказался, первым делом у стариков выпытывать начал: при каком царе Горохе коренную избу в деревне срубили да где именно первый фундаментный камень заложили? А старые люди охотно рассказывали: будто с тех самых времён, когда царь Горох с грибами воевал, тогда-то предки на Ровдиной Горе и обжились.

Об этом и летописи велись, мол, люди пришли, дома срубили и семьями обзавелись. Вот только сама деревня долго себе места не находила. Гости из других волостей к ровдогорцам приезжали, а деревню найти не могли. Она то в канаве, то в лесу, а то и вовсе уткнулась за реку. Оттого-то точной даты образования и нет.

Ровдина Гора по любому поводу юлила. Она то от промозглых дождей, то от палящего солнца укрывалась. То за один угол, то за другой дворы свои прятала. Летом, бывало, раскинет улицу Луговая в поле, вдыхает там пряные ароматы, выгуливает коровушек, а осенью, как дождь хлестанёт, так она улицей Ольховой в рощицу уж пятится, заберётся в глушь и там смолистые запахи впитывает. И так не один год было: она то своими банями «почёрному» к реке помыться спустится, то буйно растущими огородами в овраге от грозы затаится.

Ну и, конечно же, от ветра часто пряталась. Вот только от него ни в какой щели не укрыться. Всё равно он вокруг вертится, крутится, обязательно к зиме деревню найдёт, со всех сторон обдует, избы выстудит да мокрым снегом обхлещет.

Так сотни лет и прошли, пока деревня себя в надлежащий лад и вид привела. Ну а когда преобразилась да, как на Севере водится, в один ряд вдоль реки выстроилась: глухими стенами – к арктическим ветрам, а окнами – на юг, так и соседями обзавелась, и дорогами, и мощёными тротуарами. Вот только деревня-то не сама себя угомонила, архитектор Печников помог.

Печникова ещё прапрабабушка с прапрадедушкой в Великом Новгороде учили: «Используй, внучок, в любом начинании нити. С ними хоть и дольше, и путь по времени длиннее, зато завсегда выйдет ровнее». Печников так и поступал – любое дело нитью размечал. И даже когда Высшую школу инженерии закончил, клубок шерстяных ниток при себе держал.

Архитектора Печникова после выпуска из школы первым делом из столицы на Ровдину Гору командировали, чтобы он там, в деревне, дворы пересчитал, согласно генеральному плану вдоль Северной Двины дома выставил да вспомогательные переулочки разметил.

Печников на Ровдину Гору по весне прибыл, шагами её измерил, колышки с одного и другого края вбил да красную нить между ними натянул. Столярам-плотникам братьям Зарубиным велел впредь только по нитке избы строить, и ни вправо, ни влево за неё не заступать. Братьям Зарубиным такой порядок пришёлся по душе – чего уж проще! Вот только стоило им приступить к строительству избы, Печников со своими нитками тут как тут.

Выросли четыре колышка по углам, от них – нитки: две по диагонали, четыре по краям.

Полдня плотники всё чего-то меряли, размечали, – уйму времени потеряли.

А стоило работникам за топоры взяться, Печников опять нитку с грузом протягивает – это, дескать, отвесные углы выравнять.

Из-за этой возни с нитками братья Зарубины вдвое дольше по времени дом рубили. Но какая в итоге изба получилась! С какой стороны не взгляни, и ладная, и складная! Стены и углы ровные, скат на крыше – воробьи поскользнутся! Жителям Ровдиной Горы такая изба понравилась; они и себе дома по ниткам запросили. Пусть с клубками по времени дольше, зато хоромы ровнее и деревня красивее.

Потом Печников и ровдогорцы по нитям дороги разбили, улицы, огороды, амбары наметили, а саму деревню колодцем «с журавлём» по самому центру горы пригвоздили.

Братья Зарубины теми нитями так всё время и пользовались. От улицы до улицы их натягивали, скручивали, раскручивали. В конце концов нити со временем переплелись и нитями времени зваться стали. Только для деревни это было уже неважно: дома-то на Ровдиной Горе к земле приросли и корни пустили.

Звёздный хронометр

Эта история приключилась триста лет назад. В самом центре Ровдиной Горы стояла небольшая изба, а точнее, мастерская. В этой мастерской жил Штырькин Евграф Федотович, изобретатель и часовщик. Был он высок, худощав, интеллигентен.

Одевался на французский манер – в белоснежную сорочку, подштанники и длиннополый камзол. Всегда носил пенсне, а когда выходил на прогулку, надевал приталенный кафтан и брал с собою трость.

Ещё в мастерской у часовщика Штырькина жила серая мышь Мазуня. Она была уже пожилой, подслеповатой, безусой, с чёрным пятном на мордочке.

От своих сородичей она отличалась тем, что не боялась людей и была очень-очень запасливой. Каждый день подбирала и тащила всё, что падало у мастера под стол. И вот однажды в её маленькой каморке совсем не осталось места.

– Зачем?! Зачем мне всё это на старости лет! – воскликнула Мазуня и, хорошенько поразмыслив, очистила нору.

Часовщик же, увидев кучу полезных деталей на полу, обрадовался и собрал из них механический хронометр. К удивлению мастера, часы получились не простые, они отмеряли не время, а количество зажжённых звёзд на небе. Днём хронометр стоял, а вечером, когда садилось солнце, Штырькин запускал механизм. Он проворачивал крохотный ключ, и начиналось чудо.

– Тик! – зажигалась первая звезда.

Она была самая яркая, но такая стеснительная, что разгоралась в полную силу лишь в те часы, когда все её сёстры и братья уже светили вовсю. Очень скоро она ослепительно сияла, и всё же в первые минуты это было лишь робкое мерцание.

– Так! – загоралась вторая звезда.

– Тик-так! – и ещё две звёзды проявлялись в ночном небе, будто это невидимый художник макнул кистью в серебряную краску и брызнул ею на холст.

Через мгновение механизм набирал обороты, и уже было трудно уследить за волшебством. Стрелки бежали торопливо и бодро, чтобы успеть зажечь все звёзды в отведённое время.

– Тик-так! Тик-так! Тик-так! – отсчитывали секунды, а в небе появлялось всё больше и больше звёзд.

Когда счёт шёл на тысячи и в общем-то было уже всё равно, сколько их там, Штырькин доставал из кармана жестяную коробочку с фруктовыми леденцами «Монпансье», встряхивал её и тем самым приманивал Мазуню. Мастер угощал старую знакомую, подхватывал, подсаживал её себе на плечо, и они вместе выходили любоваться ночным небом.

– Тик! – зажигалась звезда прямо над ними.

– Так! – появлялась где-то над Северным полюсом.

– Слышишь? – спрашивал Евграф Федотович. – Это наше звёздное время.

Мышь кивала головой, они улыбались друг другу, а потом вместе смотрели и слушали, как звучит небо: «Тик-так, тик-так, тик-так...»

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается, и к полуночи пружина в хронометре ослабевала, ход замедлялся, стрелки на часах уже не бежали, как прежде, а шагали степенно и умиротворенно. Теперь и звёзды вслед за ними начинали таять.

– Ти-ик. Так... – засыпали такие недолговечные звёзды.

– Ти-ик. Так... – небо светлело, и часовщик с Мазуней тоже отправлялись в мастерскую.

Штырькин снимал кафтан, аккуратно складывал длиннополый камзол на стул, ложился на свою жёсткую кровать, забираясь под лоскутное одеяло и закрывал глаза. Мазуня забегала в угол комнаты, исчезала в норе и сворачивалась там клубком. Засыпая, каждый думал о своём: мышь мечтала сделать новые запасы деталей, чтобы Евграф Федотович собрал правильные часы для счёта любимых «Монпансье», – слава богу, шестерёнок и пружин на полу всегда хватало, а часовщику виделся механизм нового хронометра, но уже совсем не для звёзд, ему во что бы то ни стало хотелось подсчитать счастливых людей, очарованных этим самым звёздным небом.

Весенняя мельница

По правую сторону от мастерской Штырькина жил повар-испытатель Валентин Пышкин. Как и любой испытатель, он был высокий, широкоплечий, пусть немного полноватый и круглощёкий, но всё же обладающий природной силой.

Одевался Пышкин по-простому, по-деревенски: рубаха-косоворотка, портки, поверх рубашки – льняной фартук, а на голове – белоснежный колпак.

Над входом в его торговую лавку болтался крендель, а на витрине всегда были свежие пряники, пирожные и торты.

Как вы уже могли догадаться, в основном Пышкин испытывал выпечку и сладости: кексы, булочки с изюмом и тянучий мармелад. Жители Ровдиной Горы радовались каждому новому рецепту Пышкина, особенно сладкоежка Мазуня.

Однажды к повару-испытателю пришёл его сосед, часовщик Штырькин (как мы уже знаем, человек самой интеллигентной профессии), и попросил испечь ему французский багет.

– Что ж... – ответил Пышкин. – Придётся постараться. Правда, есть одна загвоздка: на Руси-то испокон веков караваи вширь пекут, а французская булка печётся в длину, значит, и мука нужна обратного помола. Только чтобы такую муку получить, мельница должна не от ветра вращаться, а по ветру. Но, насколько я знаю, таких-то и во всей Архангельской губернии не сыскать.

Вот и пришлось Пышкину и Штырькину придумывать свою, ровдинскую, мельницу.

Всей деревней выбирали самое открытое и высокое место на горе.

Потом всю зиму столяры-плотники братья Зарубины с сыновьями помощниками тесали топорами шатёр и лопасти по чертежам голландских умельцев.

А к весне Штырькин изобрёл и собрал обратный механизм. Когда земля покрылась травой, а почки на деревьях распустились тёмно-зеленой листвой, Пышкин выбил стопорный клин и запустил свою мельницу.

День и ночь ровдинская мельница с обратным механизмом, чихая да пыхая мукой на деревню, молола зерно. А рано утром жители Горы проснулись от холода: мельница продула и выстудила всю округу.

Но, как ни странно, выходя на улицу, никто не гневался. Наоборот, ровдогорцы столбенели от изумления: их родная деревня белела, словно её посетили невиданные птицы; они будто сидели на деревьях, расправив свои крылья, и покачивались в такт ветру.

Так расцвела черемуха в мае. Она раскинула тонкие веточки с белыми и прозрачными цветками, солнечный свет окутывал их, а ветер от мельницы колыхал, поднимая вверх, и всем казалось, что это не цветы, а райские птицы или ангелы. И что, если их вспугнуть, они непременно сорвутся и улетят на небо.

С тех пор Валентин Пышкин каждую зиму перемалывал зерно на своей мельнице и обязательно оставлял пару мешков на весну, чтобы точно так же, как и в первый раз – празднично, ослепительно и нежно, перенестись из поздней весны в ранее лето. И если в вашем саду тоже зацвела черёмуха, а на улице неожиданно похолодало, то знайте: это в Ровдиной Горе запустили обратную мельницу.

Электричество (Счастье во времени)

На окраине Ровдиной Горы, в старой избе-завалюшке, жил бездельник и хулиган Семён Шулихин. Ограда у него давно заросла малиной, ставни на окнах перекошились. Он, бывало, с утра встанет, печь затопит, чтобы обед приготовить, да только дымоход не чищен, зола не выгребена, – дым тут же всю избу заполонит.

Или уборку затеет, метлой из стороны в сторону поволожит, пыль поднимет да и бросит это дело, уйдёт на берег реки, распластается там звездой и лежит весь день. Это было его любимое занятие – валяться под солнцем да на отмели песчинки считать. Одевался Шулихин как попало: на ногах обмотки, рубашонка в заплатках. Если холодно, то в рваный тулуп завернётся. Чтобы в лютые морозы окончательно без дров и печки не околеть, Семён по улицам промышлял: ходил, песни распевал да на гусях

бренчал. Иные жители, бывало, пожалеют, в дом позовут погреться, другие просто окликнут – лишь бы не слышать, как он горло дерёт.

Время от времени мимо дома Шулихина разный люд проходил, и потому как его изба была крайняя при входе в деревню, то частенько тот самый люд останавливался, спрашивал:

– Сколько времени, мил человек?

Сёма Шулихин если видит, что странник спешит, чуть запаздывает, то достанет карманные часы, посмотрит на стрелки и обязательно час-другой прибавит:

– Опоздали вы, батюшко!

Или наоборот, путник ко времени идёт не спеша, Шулихин тогда часок-другой убавит, приврёт:

– Не спеши, богомолец, у тебя ещё воз времени!

В конце концов странники по вине Шулихина или раньше времени к месту прибегут, а потом своего часу дожидаются, или идут не спеша, и обязательно опоздают. И сколько не просили ровдогорцы: «Не делай никому назло. Делай на счастье!», – Шулихин всё равно по-своему – на вред остальным. Вот за эту самую вредность его однажды молния ихватила.

Весь июль жара стояла, истомились и люди, и животины, и прочие букашки. Всякий об одном у неба просил: «Хоть бы капельку влаги!...» Небо тогда мольбы услышало, низко-низко к земле склонилось, отняло свет у деревни. Заходила, затолкалась чернильно-синяя хмура над Ровдиной Горой. Тяжёлые свинцово-фиолетовые тучи понадвинулись друг на дружку, и, будто дробью, ударило по крышам крупными каплями. Сверкнули молнии, распорол и порвали тьму от края до края, лишь на секунды осветив деревню. Семён в это самое время прохожему соловьём заливал. Небо увидело, что неразумный хулиганит, вместо того чтобы домой бежать. Взяло и, пока он часы в карман не убрал, шибануло по ним молнией. Не было слышно ни крика, ни стоны – только гром по Ровдиной Горе прокатился, да такой, будто разом сотни пушек пальнули.

Штырькин тем временем не зевал, бегал по всей деревне и молнии в стеклянные банки собирал. С электричеством триста лет назад очень туго было: получать и по проводам запускать его ещё не научились, а молнии во время грозы всегда в землю ускользали. Вот Евграф Федотович по всей деревне банки и выставлял, иной раз за день с десятков молний улавливал. Половину Штырькин так в банках и оставлял да вместо уличных фонарей вечерами на столбы развешивал. А оставшееся электричество в своей мастерской изучал, подключал к нему различные механизмы, на компасы,

часы и термометры искрящиеся и потрескивающие молнии вытряхивал, с разных сторон прилаживал.

После той грозы часы у Шулихина стали ходить очень странно. Он если чего-то ждал, то время шло медленнее, а если спешил – всегда не хватало. Так целый год у Семёна и прошёл: он то на месте топтался и минутные стрелки подгонял, то бежал куда-то и всё упрашивал время подождать хотя бы минуту. Совсем измучился Семёна Шулихин со временем, чуть и вовсе с ума не сошёл. В конце концов Штырькин сжалился над горемыкой и на следующее лето смастерил Шулихину песочные часы, ведь он так любил считать песчинки. А сломанные часы Евграф Федотович починил, всё теми же пойманными в банки молниями.

Сначала Штырькин механизм размагнитил, затем по новой наэлектризовал, после чего шулихинские часы лучше прежнего ходить стали. Штырькин ещё немного над ними поколдовал – циферблат увеличил, стрелки удлинил – да на самое видное место, к Пышкину на мельницу, повесил. Лопасты у мельницы от ветра вращались и пружину на часах заводили.

Через какое-то время мастер пару рычагов, шестерёнок и молотков в часовой механизм добавил, колокол внутри мельницы повесил, между собой соединил, да так всё рассчитал, что, когда мельничные часы в колокол отбивали, летом дождь поливал, зимой снег выпадал, и всегда при этом гроза молниями била, особенно зимой это красиво было.

Со временем Штырькин сбор электричества на широкую ногу развернул. Он на крыше своей мастерской громоотвод закрепил, и, когда мельничные часы в колокол ударяли, молнии по громоотводу в мастерскую к Штырькину спускались. Мастер электрические разряды в банки закатывал и в кладовую для сохранности убирал.

А Шулихин с новыми песочными часами покладистым сделался. Всё так же лентяйничал и особо ничем себя не утруждал, но хоть врать да подшучивать над всеми перестал, и то ладно. А ещё он грозы невзлюбил и песочные часы во время ливней подальше припрятывал. Новые часы, хоть и были из деревяшек, стеклянной колбы и песка, и молнии совсем не магнитили, но, кто его знает, что там, у неба, на уме?

Ночеглядная труба

Поодаль от мельницы, на обрывистом берегу, жил капитан дальнего плавания Никодим Трескин. Его изба была похожа на поморский корабль. Терраса перед домом напоминала палубу, развивающиеся занавески из окон – паруса, а на крыше скрипел флюгер в виде кильки.

Одевался Трескин по обстоятельствам, но обстоятельно. Скажем, ежели он в море на промысел уходил, то на нём была малица, вязаная шапка на рыбьем меху и чуни. Ну а коли за границу путь держал, тут уж форсил в униформе: темно-синий мундир с золотыми эполетами, белые брюки, чёрные туфли, на голове адмиральская треуголка с пером мадагаскарской кряквы. Ещё у капитана Трескина жил кот Кабачок.

Кот был очень толстый и неповоротливый, но, несмотря на это, любил, как и его предки, гулять по крышам. И когда Евграф Штырькин запускал свой звёздный хронометр, Кабачок забирался на крышу, усаживался на тёплую трубу и, щурясь, мечтал.

А мечтал Кабачок стать звездочётом. Вот только у него телескопа не было. Так и жил: звёзды были, мечта была, а телескопа не было.

Однажды вернулся с промысла капитан Трескин, продал на ярмарке улов, заработал денег и весь день был на седьмом небе от счастья. У Никодима тоже была мечта: наловить столько рыбы, чтобы вырученных денег хватило на штурвал и рынду. Ему очень хотелось украсить свой дом лакированным штурвалом и блестящим колоколом, чтобы сходство с кораблём было окончательным. И вот ему это наконец-то удалось. Монеты звенели в кармане, оставалось их только потратить.

Довольный, вышел он вечером во двор, сел на лавочку. Сидел Никодим на скамейке час-другой, ножкой болтал, вокруг сирень цвела, птички щебетали, мельница поскрипывала, и вечер обещал сказочный закат.

Смотрел капитан на всё это, и у него душа нарадоваться не могла. Всё бы хорошо, только в какой-то момент заметил Трескин своего кота. А Кабачок сидел на крыше, морду задрал, вздыхал и звёздами любовался. Тяжело так вздыхал, как будто ему воздуха не хватало или потерял чего.

Трескин раз посмотрел, второй. И вроде бы вечер хороший, а кот грустит. Не по себе стало капитану от такой обстановки.

Он бы, конечно, мог не обращать никакого внимания, сделать вид, что не замечает кота. Или рассудить, что у мурлыки пустяковая печаль, и спокойно домой уйти. Только вот воспитание не позволило. Оно и понятно. Иначе это был бы не капитан! Капитаны же с детства воспитывались приходить на выручку. Вот он и спросил:

– Что вздыхаешь, усатый?

Кот как на духу, всё и выложил: и про звёзды, и про мечту, и про надоевшие «макароны по-флотски» на ужин, и даже про то, что люди под ноги не смотрят – весь хвост оттоптали.

Тут я должен добавить, что капитаны – очень умный народ. А то как бы они в кораблях разбирались, и в картах ещё, и в навигации, и во всяких там морских узлах?

В общем, Трескин тут же смекнул, как полосатому помочь. Он ему ночеглядную трубу подарил. Настоящую морскую трубу с семнадцатикратным увеличением. Пошёл к Штырькину, все вырученные деньги с улова отдал и сделал заказ на трубу.

В тот же день изобретатель приступил к работе: разогнул старую медную трубу; с одной стороны закрыл её оранжевым стеклом; потом положил в прибор осколок от метеорита, небольшое облако, свою несбывшуюся мечту; вытряхнул из стеклянной банки прошлогоднюю молнию; залил под завязку горячего отвара из трав; запаял; запечатал; вместо глазка гранёный алмаз завинтил.

И вечером, когда вновь звёзды зажглись, Кабачок уже не грустил. Кот, не помня себя, всю ночь на крыше просидел и в ночеглядную трубу пролюбовался. Правда, на следующий день в небо он перестал смотреть, а перевёл трубу на неспешную реку Северную Двину, а с неё – и на море. С горы да с капитанского дома такой вид открылся, что не только кот, тут уж все жители Ровдиной Горы стали на крышу забираться и в трубу поочерёдно морем засматриваться.

Первым любил подняться Евграв Федотович Штырькин с мышью на плече. Сначала он смотрел сам, потом придвигал окуляр Мазуне. За ними карабкался Валентин Пышкин с круассанами, а после него – Семён Шулихин с песочными часами. Они то и дело толкались у трубы и поочерёдно смотрели на безграничные, бескрайние бирюзовые просторы, на то, как медленно садилось солнце. Всякий раз вода, то спокойная, то слегка волнуемая ветром, плавно дышала волнами.

Вскоре солнце приближалось к горизонту, и море окрашивалось сперва в золотисто-красный цвет, потом оно вдруг становилось ярко-огненным светом, а под занавес, когда солнце полностью утонуло в нём, чернело. Вздыхая, что закат длился так коротко, друзья спускались на палубу-террасу, пили чай из самовара и расходились по домам.

После столь волнительных закатов, вернувшись в мастерскую, Штырькин ещё долго не мог уснуть, он раскатывал бумагу на столе и всё примерялся, рассчитывал что-то и чертил, чертил замысловатые паутины. Море так впечатлило изобретателя, что в благодарность за возможность созерцать он решил выдумать самолловную снасть для Трескина. Днём Штырькин прогуливался по окрестностям Ровдиной Горы, заглядывал в потаённые места и целыми часами наблюдал за тем, как пауки плетут свои

сети и ловят добычу. Вечером вместе со всеми часовщик любовался закатом, а ночами кудесничал и чародействовал в мастерской.

Через неделю чертежи были закончены. За три дня Пелагея Трещалова и Варвара Глазейкина сшили «рыболовецкого паука» в согласии с чертежами.

Трескин уместил снасть на корабль и тут же отправился на испытания. С тех пор у него и начала ловилась самая крупная рыба.

Днём, как обычно, на вахту заступал Кабачок. С крыши отчётливо было видно, где и когда рыба сбивалась в огромные косяки, появлялся кипун. Кабачок вскидывал ночеглядную трубу и всякий раз напутствовал хозяина:

– Как из устья Двины выйдешь, так «паука» и забрасывай...

Трескин выходил в море, при помощи лебёдки опускал «паука» на дно, а через час вытаскивал на палубу огромных жирных палтусин и самых сильных сёмжин. С того времени капитан каждую путину с уловом возвращался. И по сей день во всём Поморье не встречался удачнее рыбака, чем Трескин с Ровдиной Горы. Кстати, бронзовую рынду и лакированный штурвал он тоже купил и на террасе повесил.

Праздник «Света да попутного ветра»

Задумали как-то муж и жена Гуляевы устроить праздник посреди лета и закатить пир на весь мир. Картофель и жито посеяли, а до сенокосной страды ещё долго, вот и решили зря время не терять, в центре деревни разом и дни рождения, и свадьбы отгулять.

Трескину наказали изловить самых жирных сигов и палтусин. Пышкину – рыбников напечь и ухи «по-ровдогорски» наварить: с морковью, луком, хвостами, плавниками, петрушкой и курицей.

Семён Шулихин уселся за гусли – новую мелодию разучивать. Штырькину Евграфу Федотовичу к указанной дате велели погоду при помощи его механизмов изладить, чтобы не подвела.

Однако как только все за дело принялись, так северный ветер и подул: дождливых туч нагнал, встречную волну поднял. Никодим Трескин полдня по палубе взад-вперёд хмурый ходил, попутного ветра ждал. Кот Кабачок на крыше у ночеглядной трубы сидел и вздыхал: «Сейчас в море идти надо! Сиги и беломорская селёдка в косяки сбились, архангельские мужики руками, сачками, вилами да вёслами рыбу черпают...»

Но лишь к вечеру Евграф Штырькин сообразил, как делу быть: снял лакированный штурвал на террасе у Трескина и в мельнице повара-испытателя приладил. Пышкин тут же смекнул, в чём соль: обратную

мельницу запустил, шатёр с лопастями штурвалом на Двину повернул. Мельница прочихалась да как дунула – Трескина на его кораблике за пару часов к морю попутным ветром доставила, а заодно и облака на небе разогнала. Никодим Трескин за день своим волшебным пауком рыбы наловил, а вечером обратно с морским приливом прибыл.

Теперь дело за поваром было, а у того тесто не готово, столы не накрыты. Он от мельницы до пекарни пробежал, прохлопотал, и всё у него из рук валялось. Уж и солнце к горизонту склонилось, а Пышкин никуда не поспел. И снова Штырькин на выручку пришёл – он свой звёздный хронометр лишь на три оборота завёл, Мазуня хвостом стрелки придержала, солнце так над горизонтом и замерло. Звёзды в ту ночь зажигались как обычно, и каждая на своём месте, вот только горели тускло, иных и вовсе не видно было: дневной свет мешал. От того, что хронометр ход замедлил, на улице не стемнело, поэтому и Пышкин к утру всё успел. И когда Гуляевы всех за общий стол рассадили, а Шулихин на гусях сыграл и любимую песню проорал, ровдогорцы торжество своё так и окрестили – праздник «Света да попутного ветра». С того времени каждый год его и проводят, а на Севере светлые ночи появились, у нас их ещё называют белыми.

Звёздная пыль

Сейчас уж никто и не вспомнит, что до звёздного хронометра время шагало как вздувается. И планета наша вращалась как попало, без всякого порядка и умысла. Это уж когда Евграф Штырькин догадался, что время надо делить на летнее и зимнее, тогда только всё уладилось.

Фестиваль «Света да попутного ветра» отшумел и в срок, и впрок. После праздника и белые ночи на убыль пошли, а ещё через месяц осень наступила. Штырькин, как обычно, запускал свой волшебный хронометр, а звёзды в отведённые минуты загорались, каждая на своём месте. Вот только не сразу мастер заметил, что с приходом тёмных ночей и время ускорило, а попутно и Землю быстрее закрутило, и небосвод к самой Ровдиной Горе приклонило. Чихнуть не успеешь, а уж ночная мгла перед самым носом сгустилась. Тьма с каждым днём всё ближе и ближе деревню со всех сторон обступала. Она, будто черной кошкой, бесшумно, беззвучно подкрадывалась к деревне, опутывала улицы и дома своими чёрными лапками, отнимала у ровдогорцев вечерние хлопоты да укладывала спать раньше поры. С нарастающей темнотой и звёзды отяжелели, нависли над Ровдиной Горой, каждая с кулак величиной. И с каждым днём они всё больше и больше наливались, словно яблоки, и клонились к земле низко-низко. И уж если бы

звёзды ещё хоть чуть-чуть склонились, то выше, над ними, было бы не ночное небо, а холодная, непроглядная немота.

Однажды вечером, как это часто бывало, Штырькин решил отвлечься от науки и подышать свежим воздухом на сон грядущий. Часовщик завёл звёздный хронометр, накинул на плечи свой приталенный кафтан, взял из кладовой несколько банок со свежими молниями, приманил Мазуню любимыми леденцами «Монпансье», усадил её на плечо и отправился развешивать уличные фонари.

Не спеша, постукивая тростью и новыми башмаками о деревянные мостовые, мастер прошёлся по переулку Тайны, наслаждаясь таинственной тишиной и собственными загадочными мыслями. Немного постоял на Набережной Мечты и, вдыхая речную прохладу, полюбовался мгновениями, что цеплялись за неспешное течение Северной Двины. Свернув на улицу Ветра и догоняя быстрым шагом убегающее время, Евграф Федотович уж было отправился домой, но стоило ему подойти к мельнице, как он услышал беседу двух соседок. На мосту Надежды судачили Пелагея Трещалова и Варвара Глазейкина. Они смотрели на небо и поочерёдно ахали да охали:

– Звёзды-то нонче каки! Баско порато!

– Охти, матушка, будто яблочки наливные!

– Пожалуй, посшибаю-ка я их завтра ухватом да Валюше Пышкину снесу. Пусть он мне баварский яблочный штрудель испечёт, мука-то у него теперь на иностранный манер.

Мазуня как услышала, так от счастья глазки-бусинки закрыла и чуть рассудка не лишилась. У неё лишь одна мысль промелькнула: «Баварский яблочный штрудель – не слыханное лакомство!» А Штырькин не на шутку перепугался, подумал: «Эти могут! В самом деле посшибают! А ты потом ходи зимними ночами по улице в слепую да в полутьмах комету за хвост лови!» – и решил Евграф Федотович во что бы то ни стало созвездия в порядок привести.

Всю ночь напролёт мастер с Мазуней старинные чертежи изучали, разные детали к механизму прилаживали. Под утро всё-таки собрал Штырькин новый звёздный хронометр, с учётом зимнего времени. И с первыми петухами, пока все в деревне ещё спали, часовщик перевёл стрелки на час назад. Звёзды тут же мигнули, встрепенулись, пыль с себя стряхнули, кое какие и попадали, конечно. Самые красивые, самые яркие пораскололись, поразбились, поразлетелись мельчайшими осколками по всей Ровдиной Горе. Но таким манером Евграф Федотович тьму подразогнал, а звёздное небо на место вернулось. От того и на душе стало теплее, а на улице – светлее, ну и день прибавился, понятное дело.

Звёздные осколки и пыль Ровдину Гору словно белым покрывалом укрыли, укутали, теперь-то эта пыль первым снегом зовётся, а триста лет назад в диковинку было.

И когда все проснулись да на улицу высыпали, всякий, к снегу прикоснувшись, от радости и изумления с ног валился. Но громче-то всех Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина восхищались. Они смотрели по округе и поочерёдно ахали да охали:

– Охти, матушко, это откуле столь?! Глянь-ко белизна-то кака: ни соринки, ни пылинки!

– Надоть такой красотиш-ш-шей впрок запастице!

– Завтре рулонов накатаю да в сундук спрячу, буде дочкам придано!

Свежий воздух

Над Ровдиной Горой всегда было много неба, воды и чистого просторного воздуха, а как ветрянную мельницу запустили, так всего этого добра в два раза больше стало. И решили ровдогорцы, чтобы зазря свежий воздух под палящим солнцем не томился да на жаре без толку не пылился, продавать его за границу.

В июне месяце всей деревней в дело и впряглись. Трескин, чтобы перед иностранцами не осрамиться, мундир чинил. Штырькин с Пышкиным бочки подновляли да ремонтировали, а Пелагея Трещалова с Варварой Глазейкиной их дратвой драили, кипятком обдавали да Шулихину командовали:

– Сёмушка, окладывой!

Семён Шулихин тем временем по деревне бегал, шапкой свежий воздух ловил, как слышал, что жёнки зовут, так к ним и подворачивал. Воздух из шапки в бочку переливал, крышку крепко-накрепко забивал и к берегу готовую продукцию перекатывал, а там семья Гуляевых приёмку вела. Пять дней ровдогорцы бочки затаривали и к пристани кантовали.

Столяры-плотники братья Зарубины с сыновьями-помощниками на Ровдиной Горе ещё загодя судоверфь справили. Поставили на широкую ногу строительство больших и малых кораблей.

Всю зиму пилили, строгали, топорами тюкали и по весне свой первый двухмачтовый фрегат «Святой дух» на воду спустили. Как корабль на воде оказался, ровдогорцы всем миром трюмы бочками со свежим воздухом до отказа заполнили, Никодим Трескин паруса поднял, а Пышкин мельницу на корабль направил, и «Святой дух» к вечеру уж по морю шёл.

Гружёный корабль, когда в Белое море вышел, скорость-то поубавил. Но Трескин был только рад, нравились ему неспешные прогулки. Любил он всматриваться в бескрайние просторы.

С упоением глядел Никодим, как раскинулась перед ним, разлилась, расплескалась голубая гладь. Как размерено дышит, сверкает без ряби, без морщин, без какого-либо, даже самого малого, шума и шороха, беззвучное море.

А высоко в небе привычно кружили чайки-поморники и провожали своего старого приятеля:

– Трески-и-и-ин! Кин! Кин! Кин!

Лишь спустя два месяца, к Английским берегам причалил ровдогорский корабль с драгоценным грузом. Но куда «Святой дух» в море болтался да пока капитан Трескин на рынке с купцами торговался, воздух-то в бочках повыдохся.

Правда, и Трескин в торговых делах был тёртый калач, не растерялся: бочки расхвалил, цену на каждую в отдельности набил и втридорога их продал. Бочки, что и говорить, на самом деле отменного качества были, под засолку огурцов или рыбы – то, что нужно!

Когда спрос на ровдогорскую тару обнаружился, Семён Шулихин себя в том ремесле применил и лучшим бондарем на деревне сделался.

С осени до весны во дворе дощечки строгал да железными кольцами бочки сбивал.

И так он в этом деле поднаторел, что англичане с тех пор бочки только с маркировкой «Ровдина Гора» и закупали: лиственничные – под квас, сосновые – под рыбу, дубовые – под масло, а по особому случаю – из сухого кедрового лесу, но те уж для своих и заморских сказок вроде этой.

Воздушная гавань

Я раньше и не знал, что счастье может быть разным, пока ровдогорцы не просветили и не рассказали историю про «Воздушную гавань». «Ну, счастье и счастье! – думал я. – Как оно может различаться?» А оказывается, нет! Бывает, и отличается друг от друга.

Столяры-плотники братья Зарубины с жёнами, сыновьями да престарелыми родителями жили под одной крышей в огромных двухэтажных хоромах. Все, как один, рыжие да конопатые. Жили небогато и одевались по-простому. Парни – в лапти, штаны да подпоясанные рубахи. Жёнки – в вышитые сорочки, сарафаны, кожаные башмачки.

В плотницких делах сноровистей всех был старший брат, Коля Зарубин, ловко он орудовал топором и рубанком: избу, баню ли «в лапу» срубить, крышу ли тёсом покрыть, – это к нему.

Младший же, Демьян, больше резцами да стамесками работал: наличники ажурные, ставни резные – это уже по его плечу.

Сыновьям Зарубиным грубая работа доставалась: лес навалить, сучки срубить, окорить да брёвна на плахи и доски пилами распустить. Жёнки Зарубины по хозяйству: в избе прибрать да плотницкую артель накормить. Всё, что в Ровдиной Горе построено было – дом, мельница или корабль, – всё руками Зарубиных. Всё в деревне на их знании и умении держалось.

Однажды братья Зарубины с сыновьями взялись улицы мостить, деревянные тротуары и дороги по деревне прокладывать, чтобы осенью жителям грязь не месить да телеги по ухабам не разбивать. День работали, неделю, месяц – дело к концу клонилось. Да только столяры-плотники так увлеклись, что не заметили, как дорога уже над обрывистым берегом оказалась. И дальше бы строили, только как по воздуху дорогу проложить?

Старший, Николай, затылок почесал и предложил:

– Надо наши труды террасой завершить. Будет вся деревня приходить, первозданной природой с горы любоваться! Это ли не счастье?

Младший, Демьян, ногой топнул, шапку со всей силы о землю шмякнул и возразил:

– Нет, лучше дорогу вниз спустить, деревянную горку сколотить, чтобы зимой с ветерком прокатиться можно было! Вот тогда и будет всем счастье!

Подумали братья, подумали, сходили домой, чаю с престарелыми родителями попили, ещё раз вслух свои мысли проговорили, совет родителей выслушали и больше спорить не стали – рассудили, что оба правы. А то, что на берегу с размаху нагородили, снизу сваями укрепили. Ограждение из балясин и перил смастерили, получилась просторная, светлая терраса, так далеко выступающая с горы, будто в небе парящая. Её за это «Воздушной гаванью» и окрестили. Рядом с «Гаванью» горку срубили – долгую, пологую, с завихрениями, – час с горы катиться, два – обратно подниматься.

Со временем на террасе лавочки поставили, Штырькин уличное освещение устроил. Половина ровдогорцев летними вечерами приходили, усаживались, слушали, как под горой туман с рекой Северной Двиной шептались, как старые ивы, склонившись над водой, ладошками-листьями водную гладь с заботой оглаживали. И уплывали думы отдыхающих в далёкие края, покидали Ровдину Гору мрачные мысли, и не было счастливее тех людей на всём белом Свете.

Зимой вторая половина деревни на берегу отдыхала: суежилась вокруг горки, сновала вверх-вниз малышня, до позднего вечера не стихала кутерьма. С декабря по март сверкала инеем, толкалась, кричала, пузырилась, хохотала, ойкала детскими голосами Ровдина Гора. И не сыскать было во всей Архангельской губернии счастливее той детворы, что каталась с деревянной горы.

Вот и вы теперь знаете, что счастье бывает весёлое, звонкое да искристое, а иногда и тихое.

Заплутавшее лето

Доктор Сквозняков с рождения носил гордое греческое имя Анисий и обладал таким же гордым выдающимся греческим носом с горбинкой. Но при всех своих достоинствах, нос он никогда не задирает, и звали его чаще всего очень по-свойски, по-домашнему – Аниськин.

Жил Сквозняков на продуваемом месте, в небольшом двухэтажном доме, где располагалась всего одна жилая комната (всё остальное пространство занимали кабинеты, смотровые и, самое главное, лаборатория в которой Анисий Сквозняков изучал, чем питаются и что больше всего предпочитают на обед микробы).

Одевался Сквозняков всегда одинаково: длинная сорочка, клетчатые штаны, потёртый кафтан, на голове – шляпа с полукруглым верхом под названием «котелок». В руках носил неизменный саквояж, наполненный баночками с вареньем, слухательной трубкой, увеличительным стеклом, сушёными травками и порошками.

Не любил Сквозняков, когда на улице было темно и сыро, и втройне не любил, когда темно, сыро и холодно. Анисий Сквозняков избегал такой погоды, жарко затапливал в доме печь и кутался в шерстяной плед. И наоборот, когда на улице было тепло и сухо, он предпочитал подремать в кресле-качалке на солнце, на свежем воздухе. Но однажды погода сыграла со Сквозняковым злую шутку.

Идущий год уже изрядно постарел, и приближался новый. Грядки на Ровдиной Горе почернели, а погреба распухли от запасов картошки. Листья, подхваченные ветром, кружились над дорогой, а потом стелились под ноги шуршащим ковром. Рябина отяжелела и повисла красными гроздьями, а в небе вдруг раздались клики журавлей. И вот в это самое время, всем на радость, выдался удивительно солнечный день.

Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина тут же заголосили:
– Охти! Денёк-то нонче какой!

– Не иначе Пышкин со Штырькиным обратную мельницу запустили и время года вспять воротили! Буде лето всю пору!

– От учёные головёшки-те! Сколь от ихней науки пользительности! Погодка-то и гулятельна, и грибы по лесу собирательна, а коли на реченьке за лето не успел отдохнуть, то и загароприлепательна.

Анисий Сквозняков послушал да и поверил, что лето вернулось. Устроился под огненно-оранжевым клёном: стол вынес, кресло качалку, самовар растопил. Присел, чаю с вареньем попил, откинулся на спинку кресла, взглянул в синеву небес, задумался. И вспомнилось ему, как благоухают цветы и весело поют птицы; как качаются на тонких стебельках белые ромашки и жужжат, перелетая с бутона на бутон, упитанные шмели; привиделись Сквознякову фиолетового клевера кругляши, светлые и невесомые одуванчики. И не успел он и глазом моргнуть, как к нему подкралась лёгкая дрёма. Сон сначала сладко поманил, а потом и вовсе утянул за собой все мысли. Пригрелся Анисий на солнце, отяжелели веки, обмякли руки, так он в кресле и уснул. Поплыл над осенней рощицей мерный богатырский храп. И снилось доктору, будто бы он волшебный художник, и в кармане у него, в одном – ветры, а в другом – планеты. И разгуливал он по Ровдиной Горе, и во всём некрасивом видел только красивое. Потом художник Анисий остановился где-то в поле, взял с неба тонкий луч, худой, прямой и бледный, собрал все краски дня – зелень травы, жёлтое солнце, голубые васильки – и раскрасил этот луч поярче, изогнул да разлил его по небу. Луч тот вспыхнул радугой, и Сквозняков тут же проснулся.

Проснулся Анисий Сквозняков и не смог разогнуться – оказывается, пока он дремал, ему спину продуло. И так Сквознякова ревматизмом сковало, что малейшее неловкое движение прострелом отдавалось.

Кое-как встал Анисий с кресла и побрёл, согнувшись, домой. Семь дней лечил застудившую спину Сквозняков, и семь дней стояла солнечная погода. Доктор ходил по дому и бесконечно ворчал, что сейгодушное это лето заплутало и всё понапутало. И что Трещаловой с Глазейкиной не плохо бы прописать касторки да компресс из молодых и жгучих листьев крапивы на язык, чтобы лишнего впредь не болтали. А обманчивое короткое лето Сквозняков так и прозвал – бабьим. Оно и сейчас так называется.

Тепловой азростат

Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина по соседству жили. Печи в избах с утра пораньше затапливали: хлеба пекли, каши варили. Всегда в одно

и то же время на колодец за водой ходили. Встретятся, бывало, поздороваются:

– Здравствуй, матушка!

– И тебе не хварать, Варварушка!

Разойдутся, и до вечера в трудах: коровушек своих напоят, подоят, в огороде грядки прополют, в избах порядки наведут. И только после ужина снова свидятся, уж тогда-то всласть и наговорятся. Как с делами домашними управятся, поверх сарафанов приволоку или летник накинут, платки сороки на головах поправят, да на улицу бегом. Там возле калитки рука об руку в локтях скрестят и идут по деревне, обсуждают, кто что видел, кто что слышал.

– Я вчерась об чём с нашим дохтором Сквозняковым баяла. Сказывал он будто, штобы от простуды лечице, надоть мне почашше крапиву на язык класть! А ешшо будто сажу из трубы выпахать, с глиной её перемешкать да на лоб те лепёшки прикладывать! – сыплет новости, словно горох, Трещалова.

– Охти мне! А я сёдня не то хенерала россейскова, не то ампиратора заморскова видела. Ох и важны-ы-ый! Высокий, широкоплечий в животе, вся хрудь в арденах и медалях! Усища в разные стороны растопырил, будто таракан. Идёт, памаш, по мосткам, ножками расшаркиват, а у самого брюхо на нос ползёт, что сам и носков у обувки не видит, – рассказывает Глазейкина.

С такими разговорами они до «Воздушной гавани» обычно доходили, постоят там немного, пейзажами полюбуются, и домой вернуться. Но однажды увидели они с балкона луну и опечалились.

– Эвон как пылюхой-то вся покрылась! И цвета рыжево не разобрать.

– Вянет и сохнет, так и вовсе околеет! Некому, памаш, присмотреть за природой-матушкой!

– Кабыть я-то на Луне жила, всю пылюху бы по ветру разогнала!

– Охти, дак, может, слетать на денёк с щёлоком да дратвой?

Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина так весь вечер провздыхали да проойкали, а на следующий день решили дать грязюке бой и устроить на Луне генеральную уборку. Это ведь только в песнях поётся: «...В небе голубом и чистом...»

А на самом деле кот Кабачок в ночеглядную трубу чего только там не разглядел: и пыль с просёлочных дорог летает, и сажа из труб, и дым от костров витает.

Евграф Штырькин тут же надоумил соседок сшить воздушный шар: так, мол, сподручнее до Луны добираться.

Он уже давно в газете вычитал про тепловой аэростат и мечтал построить нечто подобное. Трещалова и Глазейкина, не раздумывая, подоставали из сундуков полотнища да простыни и тут же принялись шар сшивать. Столяры-плотники братья Зарубины сплели из ивовых прутьев большую корзину. Капитан дальнего плавания Никодим Трескин сети принёс, чтобы шар к корзине привязать. Штырькин за огнеметательный механизм взялся, чтобы аэростат взлетел, воздух прежде всего нагреть нужно было да в шар направить, а после ещё тепло поддерживать.

Целую неделю Штырькин механизм по вырезке из газеты собирал. Два железных бидона между собой связал. Маслом подсолнечным, болотным газом и углём бидоны заправил. Банку с молнией для запала приладил. Рычаг – чтобы крышки на бидонах приоткрывались. Всю эту горелку к шару подвязал да пару мешков с песком для балласта на корзину повесил.

В назначенный день братья Зарубины баню истопили, воды на камни наплескали, пар вениками через окно в шар перегнали. Пышкин мельницу запустил и на берег развернул. Пелагея с Варварой мётлы, тряпки, вёдра с водой в корзину сложили, сами через борт перевалились, запалом щёлкнули, шар до подъёмной силы горячим воздухом из горелки накачали: «Вшить! Вшить! Вшить!» – и тем же вечером от «Воздушной гавани» отчалили в туманящую звёздами высь, где Вселенная притаилась.

Летели Пелагея и Варвара да всю дорогу мирозданием любовались. По всему тёмному небосводу, таинственному и глубокому, звёзды были раскиданы. Одни жёлтым мигали и тепло обещали. Другие – синим, жизнь в себе зарождали. Третьи – красным, свет хранили. Иные срывались с неба в ночную бездну и уносили с собой ветер да великую тайну.

Как прибыли соседки к луне, так всю ночь напролёт от пыли её мели, от сажи скребли, но лишь небольшую полоску оттерли. Под утро домой без сил вернулись, день отоспались, а вечером опять к спутнице Земли отправились. Так они целый месяц туда-сюда на тепловом аэростате мотались, бочку подсолнечного масла сожгли, тонну угля, весь газ с болота выкачали, но всё тёрли, скоблили, отмывали, швабрами драили, дратвой ширкали, водой обливали. И вроде бы дело подалось, да только на последней неделе там, где чисто было, Луна уж опять темнеть принялась. Бросили Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина свою затею, а луну с того времени месяцем и прозвали.

Хорошо ещё, мельница на Ровдиной Горе посея день крутится: то справа, то слева Луну обдувает, лишнюю сажу да пыль сдувает. А если бы не ровдинская мельница, то мы бы с вами и узкого месяца в ночном небе не увидели.

Самоходный аппарат

Эта история берёт своё начало с конца жаркого лета. Ещё было тепло и солнечно, ещё стрекотали, как сумасшедшие, кузнечики, вызывая на сердце волнение и радость. Правда, яркие ароматы трав незаметно сменились на спокойные запахи сырой земли и прелых листьев.

Именно тогда Никодим Трескин неожиданно и загрустил. Откуда вдруг поселилась в душе эта тоска, ведал только сам капитан. Он точно знал, что уже через месяц подуют северные ветра, и начнут пластать безудержные шторма, и не выйти будет в море ни на день, ни на два. И нужно будет закрыть навигацию: спустить ветрило, вытянуть корабль на высокий берег и бросить на суше якорь. Опять придётся забыть о путешествиях на долгую-долгую зиму.

И через месяц действительно дунули северные ветра. Небо, лишь слегка подсвеченное солнцем, продиралось, украдкой проглядывало сквозь тяжёлые облака. Ровдогорцы убрали последний урожай, перепахивали под озимые землю, дым от костров стелился седой бородой по берегу Северной Двины, а Трескин всё больше и больше скучал по медовым запахам лугов, солёному воздуху моря. Он выходил на террасу, садился в плетёное кресло, пил ромашковый чай и слушал тихий шорох опадающей листвы, только ему слышный шёпот сухих трав и бормотание холодных камней.

Когда ноябрь окончательно прогнал с неба свинцовые тучи и больно наступил на пятки октябрю, когда на деревьях не осталось ни единого листочка, а по Двине уже который день несло шугу, капитан и вовсе начал хандрить. Однажды, похлебав горячего бульона, капитан почувствовал, как по всему телу пролилось благодатное тепло. Он прослезился. Мысли в его голове спутались и понеслись куда-то ввысь. Трескин достал из письменного стола перо, чернила, пожелтевшую бумагу и начал слагать стихи:

Снег падает который день.

Он побелил дома, и речку, и твои реснички.

И падать, видимо, ему не лень.

Ложится он на палубу, на снасти, рукавички.

Где я найду тебя и под какой луной?

В какой путине выловлю, раскинув сети?

Холодный, твёрдый лёд встал над рекой –

Не свидеться нам до весны, моя любовь,

Русалочка по имени Жоржетти.

С приходом устойчивых морозов у Никодима окончательно подкосились ноги. Иней окутал деревья, кусты, захватил в свой плен мостовые и крыши домов, а у капитана началась самая настоящая морская болезнь. Целыми днями Трескин шмыгал распухшим от сырости носом, пил надоевший ромашковый чай и вспоминал свою первую любовь, не пойманную рыбку, русалку по имени Жоржетти, которой, к слову, может, и не было на самом-то деле. Возможно, русалка всего лишь привиделась капитану.

По ночам Никодима стали мучить кошмары: ему то лохматый налим приснится, то пятилапый окунь, то судак с большими ушами. А то и вовсе рыбы вместо людей, и наоборот. Обычно Трещалова и Глазейкина были в его снах камбалихами, Штырькин – сигом, Пышкин – жирным палтусом, братья Зарубины – снующей навагой, Шулихин – морским ершом. А под водой вместо рыб плавали и охотились друг за другом люди, клацали большими зубами, прятались в морской капусте, рылись в иле, выхватывая пескожилов и прочих рачков, в общем, вели полноценную подводную жизнь, отращивая хвосты, жабры и плавники.

Но в один прекрасный день всё переменялось. С утра пораньше кот Кабачок запрыгнул спящему Трескину на грудь и начал просить еды. Кот цапал хозяина когтями и повторял:

– Есть хочу! Есть хочу! Есть хочу...

Трескин не выдержал, подскочил, схватил первую попавшуюся консерву и высыпал целую банку в плошку коту.

– Коты консервированный горошек не едят! – возмутился Кабачок.

– Ешь и не мяукай! – притопнул Трескин.

– Я и мяукать-то не умею, – промурчал Кабачок. – С детства не приучен.

– У нас не ресторан! Не нравится? Иди мышей ловить.

«Совсем одичал?! Сам ешь своих мышей!» – хотел крикнуть Кабачок, но на шум и спор в двери проскользнул доктор Сквозняков.

– Так, так, так! Что тут у нас? Любопытный случай!...– забыв поздороваться, затараторил доктор.

Поднимая с пола листы бумаги, исписанные стихами вдоль и поперёк, Сквозняков поглядывал то на капитана, то на кота:

– И кто же у нас испытывает душевные муки?

– Я испытываю! – незамедлительно ответил Кабачок и поелозил лапой по груди. – Второй месяц что попало ем. Так и до коликов в животе не далеко.

Но доктор Сквозняков на то и доктор, чтобы безошибочно ставить диагнозы. И он легко определил: кто тоскует от разлуки, а кому просто лень мышей ловить.

– Вам бы, голубчик, развеяться! Тишина на вас плохо влияет...– выписывая рецепт, проговаривал Сквозняков. – С горки, что ли, покатайтесь. И кота с собой возьмите. Ему тоже свежий воздух не повредит.

Никодим Трескин так и поступил. Махнул рукой, мол, была не была, надел вязанную шапку на рыбьем меху, накиннул малицу, на ноги – рыбацкие чуни, схватил кота под мышку, во вторую руку – корыто, и отправился кататься.

Деревянную горку на обрывистом берегу реки к тому времени уже как следует окатили. Мальчишки подстилали под себя солому или ледянку и с гиканьем катились вниз. Трескин, не раздумывая, поставил на краю корыто, уселся в него, посадил перед собой кота и с криком: «Отдать швартовы! Поднять ветрило!» – помчался навстречу неизвестности. После катания с горы Трескин храпел как слон. И когда кабачок пытался его разбудить, чтобы тот повернулся на другой бок, Никодим только бормотал что-то невнятное.

На следующий день капитан вскочил бодрым, умылся холодной водой, оделся, снова схватил корыто и кота, хотя тот и упирался всеми четырьмя лапами, цеплялся зубами и когтями за всё, что попадало под руку, но всё же был повержен и вместе с хозяином отправился кататься. Вот только в этот раз Трескин не сразу на горку пошёл, а сперва к Штырькину заглянул и попросил мастера увеличить скорость на его корыте. Часовщик, не раздумывая ни минуты, заглянул в кладовую, выудил с верхней полки пылившиеся с лета банки с молниями. Примерил электричество к корыту, почесал затылок, потом хитро подмигнул Мазуне и начал конструировать скоростной самоходный аппарат. Сначала Евграф Федотович приладил пару охотничьих лыж вместо полозьев. Потом к корме прикрутил самовар, справа от него – скороварку, слева – водяной насос. Перед ними нахлобучил старую дугу от упряжи, по бокам – два чугунных утюга для равновесия. На носу корыта привернул штурвал и компас. А в завершении соединил все приборы медными трубками, рычагами и шестерёнками. Когда самоходное корыто было готово, Штырькин с Трескиным взяли аппарат и вынесли его на улицу. Во дворе Трескин уселся за штурвал, кот Кабачок уместился возле ног, а Штырькин натолкал в самовар свежевыпавшего снега. Там, куда раньше загружались угли, теперь метались, сверкали и потрескивали синие молнии, снег в самоваре мгновенно растаял и превратился в пар. Штырькин лишь слегка приоткрыл кранчик на самоваре, пару раз качнул насосом, пар тут же помчался по трубкам в скороварку и к утюгам, что-то ухнуло, крякнуло,

бухнуло, стрелка компаса дёрнулась, и не успел капитан прокричать: «Поднять якорь!» – как его быстроходный аппарат сорвался с места. Вот так, без копоти и дыма, покатила по деревне самоходная машина.

По дороге к реке Трескин останавливался возле каждого дома, заходил к жителям, колотился в двери, стучал в ставни, взахлёб рассказывал, как это здорово – кататься с горы, а ещё лучше – на самоходном корыте! Так любо и славно, что даже его кот Кабачок не смог дома усидеть и от катаний в восторге остался. И жители наспех одевались, бежали к горе, прихватив с собой кто что мог, чтобы не пропустить эту нечаянную радость, давно забытый детский задор и веселье, внезапную, неожиданную забаву.

Штырькин Евграф Федотович из дома медный чайник с кипятком на гору приволок.

Валентин Пышкин принёс связку баранок и огромную стопку горячих блинов.

Пелагея Трещалова да Варвара Глазейкина – скатерти и кое-какую посуду для чаепития. Доктор Сквозняков – вазочки с облепиховым вареньем.

Столяры-плотники братья Зарубины с жёнами, сыновьями да престарелыми родителями – наспех сколоченные столы да скамейки. Семён Шулихин – гусли и песни. И закрутилось, загулялось, заискрилось на Ровдиной Горе, так долго дремавшей в тишине. Дети вниз с горы на салазках скатывались, а Трескин на своём самоходном корыте их обратно поднимал.

Весь день на горке катались и звонко смеялись солнышки, зайушки, лапушки, шалунишки, смешинки, забавушки. Всё жило и кипело, взлетало и колыхалось, двигалось вверх-вниз, качалось, трепыхалось, мельтешило и уносилось прочь. Иней переливался всеми цветами радуги. Снег завивался, взлетал, рассыпался, искручивался спиральями.

Все ровдогорцы пришли к «Воздушной гавани», чтобы покататься с горы, чтобы отпраздновать этот солнечный, морозный денёк. И название веселью как-то само собой тут же придумалось.

Кто-то крикнул в толпе: «Ай да праздник на горе!» С того времени и повелось, что гуляния величают праздником «Русской горки» и каждую зиму его отмечают. Да ещё и с размахом русской души: искристо, хохотно, трепетно, тепло, с катаниями, с горячим чаем и пирогами, с песнями да плясками. Сами гуляют и гостей из соседних деревень приглашают. Так что, если будете поблизости, обязательно загляните.